

Donata Mitaitė

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ЛИТОВСКОЙ ПОЭЗИИ ЭПОХИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Словосочетание «развитой социализм» появилось в конституции СССР 1977 года, в которой говорилось об «обществе подлинной демократии», о «высокой идейности и сознательности трудящихся». Официально утверждалось, что в 70-80-ые гг. «победа социализма стала полной и окончательной». Для нас же важнее то, что вопреки «созреванию социализма» литература в Литве в это время набирала силы. Известный литовский литературовед Альбертас Залаторюс писал, что «ничего не случилось бы, если в каком-либо учебнике не были представлены романы, поэмы и лирические сборники, написанные в Литве в первые послевоенные десятилетия»¹. Совершенно очевидно, по мнению А. Залаторюса, что самые важные произведения того времени созданы в эмиграции, а уже в 70-ые гг. эстафету у эмиграции переняли писатели в самой Литве, где стали появляться не только конъюнктурные, но и настоящему ценные литературные произведения.

В 1990 г. поэт К. Плателис утверждал, что «в 1971–1972 году по соцреализму был нанесен смертельный удар»². Примеры успешного преодоления соцреализма он усматривал в поэтических сборниках В. Бложе, Ю. Вайчюнайте, Й. Юшкайтиса, Т. Венцловы и М. Мартинайтиса. Поэт А. Ника-Нилюнас, принадлежащий к литовской диаспоре, напротив, даже о сборниках Й. Юшкайтиса и М. Мартинайтиса, изданных в 70-ые гг., в 1981 г. писал, что в них поэты «не сумели избавиться от некоторых интонаций, характерных жаргону официальной поэзии»³. Т. Венцлова не раз скептически отзывался о поэзии так называемого литовского сюрреализма (В. Бложе и С. Гяды), а живущий в США литовский литературовед

¹ A. Zalatorius, „Mūsų literatūros depresija: simptomai, priežastys, prognozės“, in: *Metmenys*, 66, 1994, p. 5

² K. Platelis, „Atsiveikinant su „socialistinio realizmo“ doktrina“, in: *Literatūra ir menas*, 1990 birželio 9, p. 2.

³ A. Nyka-Niliūnas, *Dienoraščio fragmentai: 1976-2000*, Vilnius: Baltos lankos, 2003, p.114-115.

Р. Шилбаерис многотомное творчество Э. Межелайтиса назвал «фонтаном на площади литовской поэзии»⁴. Совершенно очевидно, что мнения расходятся (здесь, конечно же, представлены только некоторые из них) и уже это свидетельствует о наличии проблемы, которую следует хотя бы попытаться решить. Конечно, существуют книги, которые могут послужить разве что материалом для интересующихся топикой соцреализма, изучить которую, естественно, тоже и интересно, и полезно, и даже необходимо. Но нас в данном случае интересует оценка тех произведений, которые с известными оговорками или без оных останутся в истории литовской художественной литературы.

В последние годы действительно предпринимаются некоторые более или менее удачные попытки переоценки литературы советского времени. Наиболее остро в Литве обсуждалась ценность творчества Ю. Марцинкявичюса и его роль в советской Литве. Как известно, в 1978 году Ю. Марцинкявичюсу официально было присвоено звание Народный поэт Лит. ССР, но это звание отнюдь не осталось всего лишь официальным признанием: читательская аудитория поэта действительно была огромна, а в конце 80-ых гг., когда началось движение за независимость Литвы, он стал одним из основных нравственных авторитетов, тем человеком, словам которого внимали многотысячные толпы. Когда же независимость была восстановлена, начали раздаваться голоса (они, правда, робко и редко были слышны и раньше), сомневающиеся как в позитивности той роли, которую поэзия Ю. Марцинкявичюса сыграла в советские годы, так и в художественной ее ценности. Ю. Марцинкявичюса обвиняют в том, что в советские годы он делал слишком много компромиссов, что в своих произведениях он не сказал всей правды ни о советской оккупации Литвы, ни о советских десятилетиях, что его произведения были недостаточно новаторскими, что он был слишком популярен среди читателей как в советские годы, так и в годы национального возрождения и т.п. С каждым из этих обвинений можно соглашаться или оспаривать его, но, как нам кажется, места поэзии Ю. Марцинкявичюса в литовской культуре нельзя понять, если не учитывать особенности как самой массовой культуры, так и способа ее функционирования в обществе. Чтобы было ясно, что в данном случае имеется в виду под словосочетанием «массовая культура», приведем следующее рабочее ее определение: «массовая культура есть совокупность текстов (в широком семиотическом смысле), предназначенных для восприятия массовым сознанием, то есть типом

⁴ R. Šilbajoris, *Žodžiai ir prasmė*, Chicago: Akademine skautijos leidykla, 1982, p. 47–54.

сознания, ориентированным на закон тождества воспринимаемого искусства и своих стереотипов, существующих сознательно или подсознательно»⁵. Популярность Ю. Марцинкявичюса в известной мере подчинялась законам массовой культуры, которая является далеко не однородным явлением.

Общеизвестно, что всенародной любви можно добиться не только и даже не столько тем, что говорится правда или нечто принципиально новое, чаще всего она достигается, когда говорится именно то, что конкретный человек или – шире – народ по каким-то причинам желает услышать. Конечно же, творчество Ю. Марцинкявичюса вообще и его лирика в частности неоднородны, но если посмотрим на наиболее популярную в свое время часть его поэзии, то увидим, что в ней какого-либо конфликта с массовым сознанием или даже несоответствия его представлениям не существует. У народной песни Ю. Марцинкявичюс чаще всего заимствует мелодичную интонацию, ласкательные формы существительных, параллелизм человеческого мира и природы. Поэт не спорит с народной традицией, ничего в ней не отрицает, не ищет неиспользованные ранее в поэзии пласты, он «по отношению к фольклору занимает позицию солидарного с ним брата»⁶, то есть, в его поэзии воссоздается то, что читатель уже знает и узнает в стихотворении как интонацию или образ народного творчества.

Лирика Ю. Марцинкявичюса, выражающая тоску по деревенской малой родине (в 80–90-ые гг. деревня для него стала своеобразной метонимией Литвы), усматривающая схожие с церковным обрядом знаки в повседневном крестьянском труде, тоже соответствовала чаяниям и ностальгии многих, ибо большинство жителей литовских городов составляли выходцы из деревень. Урбанизация советской Литвы проходила очень быстро, деревенские жители понимали, что в колхозах их дети не имеют будущего, поэтому всеми силами выталкивали их в города, где им, выросшим в деревне, было нелегко прижиться. Ориентацию на патриархальную деревенскую культуру, недопускающую хотя бы некоторую внутреннюю полемику с ней, можно понять, если вспомнить историю Литвы (в разное время часть литовского населения или даже оно в целом подвергалась ополячиванию, германизации, руссификации;

⁵ Н. Богомолов, «Булат Окуджава и массовая культура», in: <http://magazines.russ.ru/voplit/2002/3/bog.html>.

⁶ V. Daujotyte, *Raštai ir paraštės*, Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 2003, p. 192.

литовский язык, этническая культура сохранялись лишь в деревнях), но нельзя не признать, что это приводило и к своеобразной консервации поэтического языка, художественных вкусов читателей, да и их кругозора тоже. Примером этому может служить запись одного из выступлений Ю. Марцинкявичюса 1998 г. в дневнике Антанаса Венгриса, театроведа старшего поколения: «Поэт подчеркнул, что у истоков нашей культуры вплоть до сегодняшнего дня была аграрная, земледельческая среда. Главные составляющие ее части – свой литовский язык, фольклор, народное искусство. А сегодня начинает проникать городская (уже не деревенская) культура, которая находится под воздействием Западной цивилизации и всего вредного нам ее мусора»⁷. Знаки плюс и минус здесь расставлены очень четко, автор дневника полностью солидарен с поэтом, хотя очевидно, что ни в прошлом, ни тем более сейчас литовскую культуру в целом нельзя отождествлять с деревенской ее частью, а западные влияния воспринимать как нечто чуждое и вредное. Даже если допустить, что этот весьма образованный слушатель несколько утрировал выступление Ю. Марцинкявичюса, придется признать, что многие высказывания поэта делают возможным такое утрирование.

Популярная часть патриотической лирики также никак не противоречила массовым стереотипам. Ярким примером может служить хотя бы знаменитая в Литве строфа Ю. Марцинкявичюса „ašara dievo aky / Lietuva ką tu veiki“ («слеза в глазах у бога / Литва что ты делаешь»). Представление, что Литва является маленькой, слабой, никому и никогда не причиняющей зла, но вечно обижаемой сильными – это тоже один из прочно укоренившихся стереотипов национального сознания, который зачастую мешает установлению более дружественных отношений с соседями или с другими этническими группами в самой Литве.

Известная сентиментальность лирики Ю. Марцинкявичюса соответствовала потребностям жителей тоталитарного государства, так как они испытывали дефицит в настоящих эмоциях, ведь чаще всего они слышали казенные речи вождей и читали столь же казенные газеты или произведения истинных соцреалистов. Кажется, что против шерсти своих читателей Ю. Марцинкявичюс не гладил никогда, он говорил лишь то, что по каким-либо причинам читателям было приятно слышать. Он их утешал, подбадривал, тосковал вместе с ними, говорил на доступном им языке о родине, о матери, о нежности и доброте и они его слушали, как

⁷ A. Vengris, *Svajonės ir klajonės*, Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1999, p. 134–135.

говорится в многочисленных описаниях поэтических вечеров того времени, со слезами на глазах.

Ю. Марцинкявичюс сознательно ориентировался на читателя, на его потребности, чувства, а в известной мере и на его вкусы. В разное время он высказывался так: «...давайте не будем строить башни из слоновой кости, давайте будем создавать поэтическое здание, в которое продрогший на ветрах жизни и эпохи человек сможет зайти как к себе домой, в котором он сможет найти любовь, теплоту, понимание и сочувствие, а главное – в этом доме человек всегда найдет чуткого, открытого и требовательного собеседника»⁸ или «Огонек, мерцающий в темноте, – так я бы называл стихотворение. Он должен искать человека, если сам человек его не ищет, он должен помогать человеку плакать и смеяться, бояться и побеждать страхи, он должен согревать и утешать, укреплять в человеке надежду и поддерживать его человеческую суть»⁹. Такая установка поэта достойна уважения, на ней, в частности, зиждется огромная популярность поэзии Ю. Марцинкявичюса в советское время, ее сплывающая народ сила: «он услышан, он любим многими как мало кто другой, его поэзия воспринимается как воплощение страданий, надежд и чаяний многих людей»¹⁰. Именно поэтому Ю. Марцинкявичюс смог стать одной из центральных фигур литовского «Саюдиса».

В независимой Литве творчество Ю. Марцинкявичюса было отмечено премиями (как, впрочем, и в советской Литве, что является одним из парадоксов то ли общества, то ли творчества Ю. Марцинкявичюса, то ли советской власти; ведь если писатель, как говорят его почитатели, создает нечто подрывающее самый фундамент этой власти, то за что она его награждает?), а его популярность отразилась на результатах всевозможных опросов читателей, которые проводились в начале XXI века и в которых Ю. Марцинкявичюс назывался лучшим или хотя бы одним из десяти лучших литовских писателей века XX. Но стереотипы массового сознания, массового вкуса изменчивы, тем более это очевидно в эпохи, переломные как в общественно-политическом, так и в художественном смысле. Именно появление новых стереотипов служит одной из главных причин изменившегося отношения к творчеству Ю. Марцинкявичюса. Ни фольклорные интонации, ни тоска по деревенскому труду или идиллически нежному «прикосновению жизни», ни напрямую

⁸ J. Marcinkevičius, *Raštai*, t. 5, Vilnius: Vaga, 198, p. 183.

⁹ J. Marcinkevičius, *Tekančios upės vienybė*, Kaunas: Santara, 1995, p. 96.

¹⁰ V. Zaborskaitė, *Tarp istorijos ir dabarties*, Vilnius: Tyto alba, 2002, p. 439

высказанная любовь к родине не является более чем-то привлекательным для большинства читателей, тем более молодых, которые и восстают против признанных старшим поколением авторитетов, и Ю. Марцинкявичюса в их числе.

Подобная участь постигает и других поэтов, которые слишком тесно были связаны с конкретной исторической эпохой. Так, например, К. Брадунас эмигрировал из Литвы в 1944 г., жил в США и в сущности стал поэтом, выражающим тоску по потерянной родине, которая ему представлялась неким аграрным раем. В произведениях поэта высказан и протест против исторической несправедливости, постигшей Литву, и солидарность с родиной в трагическое для нее время. Конечно же, К. Брадунаса не в чем упрекнуть, он не сделал тех компромиссов, в совершении которых обвиняют Ю. Марцинкявичюса, но в этом отношении поэтов нельзя сопоставлять уже в силу того, что слишком разными были условия их жизни и творчества. И все же литовский литературовед В. Дауетите утверждает, что в настоящее время и поэзия К. Брадунаса «теряет свою притягательную силу»¹¹.

В наши дни можно и даже нужно критически пересмотреть чересчур восторженное отношение к творчеству Ю. Марцинкявичюса, но в то же время никак нельзя отрицать ту положительную, консолидирующую нацию роль, которую его творчество некогда сыграло. Нельзя забывать также, что определенная часть лирики Ю. Марцинкявичюса из-за более усложненного поэтического языка или по другим причинам не была в свое время популярна, но сегодня она ждет своих читателей и интерпретаторов.

В частности, Ю. Марцинкявичюс, как истинный поэт, в некоторых своих произведениях, как оказалось, сказал некую правду, которая с течением времени оказывается в чем-то даже важнее, чем та, о которой говорят историки. Одним из таких произведений является поэма «Девять братьев», которая посвящена послевоенной борьбе в литовской деревне. Ее называли и называют борьбой против советской оккупации. И это правда. В советское время, когда Ю. Марцинкявичюс и писал свою поэму, официально говорили, что это антинародное сопротивление националистического подполья, направленное против советской власти. В поэме три основных пласта: фольклорный, библейский и конкретно исторический. Происходящее в деревне поэт старается соотнести с «вечными» законами гуманизма и видит безжалостное их попрание. Образы,

¹¹ V. Daujotyte, "Sugrižes Bradūnas", in: *Metai*, Nr. 2, p. 95.

символы, сюжеты, интонации поэмы Ю. Марцинкявичюса равновелики сущности и размерам трагедии народа. Поэт не ищет правых и виноватых, а опираясь на поэтику баллады, народного плача, сказки говорит об этой борьбе как о междоусобной борьбе, братоубийстве. В партизанских войнах свои герои и негодяи бывают по обе стороны, а невинные жертвы не счесть. Выяснить, если только по прошествию многих лет это поддается выяснению, кто поименно был кем, дело историка, а не поэта. Поэт же своим произведением как бы поставил крест на братской могиле, оплакал всех погибших, не взирая на то, на чьей стороне они некогда были. Это вполне по-христиански и вполне достойно призвания поэта.

Исследование поэзии эпохи «развитого социализма», равно как и любой другой эпохи, требует вдумчивой и непредвзятой работы. Литературовед неизбежно терпит поражение, когда он/она подходит к произведению уже заблаговременно решив, что знает, о чем в это время писали поэты, а потому чтение текста и попытки вникнуть в его суть уже как бы необязательны. В таком случае и выносимые вердикты зачастую не имеют ничего общего ни с конкретным литературным произведением, ни с творчеством его автора в целом. Ярким примером работы этого рода является статья Римы Малицкайте, в которой в частности утверждается: «Путинас в альманахе „Poezijos pavasaris“ (Весна поэзии) напечатал такие строчки:

*Į kosmoso aukštį pakilsiu
Atominėm bombom ginkluotas.
(„Priešai. Trečias“)*

(«В космическую высь поднимусь, вооружившись атомными бомбами» / «Враги. Третий»); подстрочный перевод)

Естественно, это ни в коей мере не должно было выражать агрессивную политику советской страны, а скорее побудить *homo sovieticus* гордиться достижениями своей страны, идущей по пути прогресса¹². Молодой литературовед явно исходит из предположения, что все, о чем бы ни писалось в советской Литве, всего лишь служило нуждам тоталитарного государства. Но жизнь всегда сложнее схемы, и если мы прочитаем все стихотворение Путинаса целиком, то со всей очевидностью поймем, что поэт не является рупором идей агрессивно настроенного государства и его не волнуют достижения этого государства, напротив,

¹² R. Malickaitė, „Retorika ir poezija“, in: *Poezijos pavasaris*, Vilnius, 2004, p. 204.

его беспокоит нечто иное, а именно ненависть людей к другим людям, в чем-то отличающимся от них. Лейтмотивом стихотворения является повторяющиеся в каждой строфе слова: я тебя уничтожу за то, «что ты не такой, как я». Заключительный образ стихотворения: в космическое пространство улетает маленькая, пустая и безлюдная планета. Конечно, можно вспомнить, что именно СССР являлся источником серьезнейшей военной угрозой для других государств, а в самой стране искусственно раздувалась мысль, что весь мир переполнен смертоносной враждебностью к СССР и всему социалистическому блоку. Но даже если предположим, что первым импульсом написать стихотворение «Враги» послужила охотно раздуваемая советской пропагандой мысль об угрозе атомной войны, придется признать, что само стихотворение с советской пропагандой уже не имеет ничего общего и вполне современно звучит даже и сегодня.

Прошло уже полтора десятилетия со времени крушения советской империи и уже настало время не сведения счетов с прошлым, а серьезного его изучения, основанного как на напечатанных в то время, так и на цензурой отброшенных текстах, воспоминаниях очевидцев и, конечно же, на огромных залежах хранящихся в архивах документов, предоставляющих разносторонние свидетельства о сгнившей в прошлое эпохе.

Iteikta 2003 10 24
Parengta 2004 12 20